

УДК 821.161.10"18"(09)

**СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОЧЕРКОВ
П.В. АННЕНКОВА О РУССКИХ ПИСАТЕЛЯХ
(Н.В. ГОГОЛЕ, И.С. ТУРГЕНЕВЕ, А.Ф. ПИСЕМСКОМ)**

М.И. Никонова

Аннотация

Статья посвящена анализу структурно-композиционного своеобразие очерков П.В. Анненкова о русских писателях (Н.В. Гоголе, И.С. Тургеневе, А.Ф. Писемском). Выявлены как своеобразие композиции отдельных очерков, так и «инвариантная» структура очерка данного типа в творчестве мемуариста. Показана ее обусловленность главной художественной задачей – созданием объективного портрета писателя в широком историко-культурном контексте.

Ключевые слова: очерк, воспоминания, портрет, структурно-композиционное своеобразие, П.В. Анненков, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, А.Ф. Писемский.

Особенность композиции и стиля литературно-критических статей П.В. Анненкова Б.Ф. Егоров – один из первых исследователей его литературной критики – видит в стремлении автора избегать крайностей, отдавать предпочтение «амбивалентным характеристикам, уравнивающим противоположные тенденции» [1, с. 253]. Вот почему композиция произведений Анненкова, по мнению исследователя, «напоминает елочку, где есть логика развития основной мысли, но от ее ствола отходят боковые ветви; как только закончится ветвь, критик конструирует мысль “оговорочную”, рисует ветвь противоположную, почти равную предшественнице, затем – следующую ветвь и т. д. Очень трудно за этими ветвями и рассмотреть главный ствол, и понять, какая же группа ветвей ближе всего отображает идеал автора» [1, с. 254]. По мысли Б.Ф. Егорова, Анненковым-критиком были выработаны такие «эстетически-этические меры, тесно связанные между собою», как «*нравственная высота и гармония*» [2, с. 67].

Сходной позиции придерживаются Г.Г. Ермилова и В.В. Тихомиров, называя главнейшими эстетическими принципами Анненкова соразмерность и гармонию, естественность и органичность – почти математическую пропорциональность. В своей статье они показывают, что Анненков «стремится избежать догматизма в анализе и характеристике» [3, с. 36], обладает «редчайшим чувством *меры* в личных отношениях, общественных, эстетических, литературно-критических взглядах», что удерживает его от крайностей в суждениях и обеспечивает уникальность его позиции в общественно-литературной жизни [3, с. 28].

Указанные особенности литературной критики П.В. Анненкова, на наш взгляд, определяют и его мемуаристику, позволяют найти подход к раскрытию специфики созданных им очерков и портретов писателей в них.

Нас интересует структурно-композиционное своеобразие очерков Анненкова «Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года» (впервые был опубликован в издании «Библиотека для чтения» в 1857 г. с заглавием «Воспоминания о Гоголе. Рим, летом 1841 года»), «Художник и простой человек. Из воспоминаний об А.Ф. Писемском» («Вестник Европы», 1882), «Молодость И.С. Тургенева. 1840–1856» («Вестник Европы», 1884).

Данные очерки состоят из функционально продуманных и гармонично сочетающихся частей.

Очерк «Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года» графически делится на две почти равные по объему части (I (А, с. 25–63), II (А, с. 63–110)).

Первую часть Анненков начинает с описания своего недельного путешествия в Рим и рассказа о первых трех днях пребывания в городе, постепенно приближаясь к главной теме своих воспоминаний – к раскрытию личности Гоголя. Анненков пытается показать литературные вкусы Гоголя, отношение его к собственному творчеству и творчеству других писателей, размышляет о круге близких приятелей Гоголя. Характеристику особенностей молодого Гоголя в данной части можно назвать доминирующей. Анненкова, как талантливый наблюдателя, интересует проявление внутреннего мира Гоголя: поведение писателя, особенности его обращения с окружающими. Показана здесь и позиция Анненкова-биографа, рассуждающего об исследовательских работах, посвященных Гоголю, о роли биографа в изображении характера.

Вторая часть очерка отличается более глубоким проникновением в мир Гоголя лета 1841 года – того переходного времени, когда писатель «уже доживал сочные дни своей молодости, ее стремлений, борьбы, падений и – ее славы!» (А., с. 62). Анненков посвящает нас в тайные стороны жизни писателя, рассказывая о «причудах» Гоголя (бессонница, страсть к рукоделиям, странное отношение писателя к чужим болезням); мастерски раскрывает значение Италии для Гоголя, главным образом через отношение писателя к итальянскому народу и искусству (наблюдения Анненкова, пересказ историй, анекдотов, рассказанных Гоголем, описание вечеров, проводимых с Гоголем и др.).

Таким образом, первая часть, повествующая преимущественно о молодом Гоголе, несет экспозиционную нагрузку, являясь своеобразной подготовкой ко второй, посвященной в основном Гоголю 1841 года – писателю на рубеже нового направления в своем развитии, уже принадлежащего, по мысли Анненкова, двум различным мирам (А., с. 62).

В текстовом пространстве очерка можно проследить развитие сквозных тем, которые, смеем предположить, выполняют функцию композиционного стержня.

Одной из таких тем является *развитие личности Гоголя* в различные периоды его жизни (начальный период (молодость) – рубеж между двумя мирами (конец молодости) – последний период). Анненков предупреждает об ошибке смешения Гоголя начального и последнего периодов (в I части), рассуждает о «степенях развития» Гоголя, описывает встречи с ним в 1846 году (Париж, Бамберг) и замеченные перемены в личности писателя; касается судьбы Гоголя

после 1847 года, когда, по мысли Анненкова, и происходит страшный переворот в жизни писателя, последовавший за неудачей книги «Выбранные места из переписки с друзьями» (во II части).

Другой сквозной темой очерка становится *история работы над «Мертвыми душами»* (знакомство с 1-ми главами – переписка 1-й части – выход I тома в печать – работа над II томом). В I части очерка Анненков вспоминает о встрече с Гоголем в 1839 г. в Петербурге, когда состоялось чтение первых глав «Мертвых душ», указывает на предстоящую переписку под диктовку первой части «Мертвых душ» летом 1841 года, которую более детально описывает в следующей части очерка. Во II части раскрываются подробности появления первого тома «Мертвых душ» в печати, рассказывается о работе Гоголя над рукописью II тома. Автором подчеркивается судьбоносная роль данного произведения в жизни Гоголя, которое, по мысли Анненкова, можно назвать не только «памятником его как писателя», но и таким трудом, которым Гоголь готовил себе «гробницу как человеку» (см. (А., с. 62)). «Мертвые души» для Гоголя, по мнению автора, «подвижническая келья, в которой он бился и страдал до тех пор, пока вынесли его бездыханным из нее» (А., с. 62). Анненков делает ценное для нас замечание о своей попытке «указать связь «Мертвых душ» со всею последующей судьбой их автора» (А., с. 62), что косвенно свидетельствует о наличии структурной связи между двумя этими темами – работой над «Мертвыми душами» и развитием личности Гоголя.

В очерке «Молодость И.С. Тургенева. 1840–1856» облик писателя также раскрывается поэтапно. Графически текст делится на 4 части.

Начало текста – своеобразное вступление¹, в котором Анненков обращает внимание на отсутствие «критических бурь» и споров после смерти Тургенева, наступившее удивительное согласие в оценке места и роли русского писателя в литературном процессе (А., с. 353–356). В части I раскрывается первый этап жизни и творчества Тургенева – «неидеального» героя с «непомерным доверием к себе», «театральностью» поступков и жизни, пока еще не осознавшего своего пути, живущего показной, ложной, «не своей» жизнью (А., с. 356–361). Часть II посвящена времени становления молодого писателя, постепенного приближения его к истинному пути (А., с. 361–370). В части III показано осознание Тургеневым своего предназначения, роли (А., с. 370–378).

Критико-биографический очерк «Художник и простой человек. Из воспоминаний об А.Ф. Писемском» графически делится на 3 части (I, II, III).

Первая часть включает в себя историческую справку, впечатление мемуариста от первых литературных опытов Писемского, биографические сведения, анализ общественно-литературной ситуации и завершается развернутой обобщенной характеристикой Писемского и исторической эпохи (А., с. 459–474). Во второй части (А., с. 474–487) преобладает описание творческой деятельности Писемского в новый литературный период: мемуарист идет не от личности и биографических фактов к характеристике «художника», а наоборот, утверждая, что в его крупных произведениях («Тысяча душ», «Горькая судьбина») «есть данные для подтверждения... заметок о свойстве его настроения и созерцания вообще»

¹ Данная часть не пронумерована автором.

(А., с. 484). В начале третьей части происходит возвращение к психологическому портрету писателя, который дополняется важнейшими биографическими сведениями, затем после нескольких личных впечатлений следует итоговая обобщенная характеристика «художника» и «человека» (А., с. 487–496).

Во всех трех очерках заметно сознательное нарушение автором строгой хронологической последовательности в изложении событий, фактов. К примеру, в очерке о Гоголе многочисленные отступления от «пространственно-временной однозначности» (выход за указанные в заглавии рамки Рима 1841 года) способствуют раскрытию образа Гоголя в диахроническом аспекте, являются средством реализации главной идеи Анненкова – «о спонтанном и во многом скрытом процессе развития» писателя (см. (А., с. 532), [4, с. 167]), об ошибочности смешения Гоголя начального и последнего периодов (см. (А., с. 530), [4, с. 165]). В очерке о Писемском самому важному и плодотворному периоду в жизни писателя – «петербургскому» – отведено значительное место, что подтверждается и на композиционном уровне. Так, после упоминания о переезде Писемского из Петербурга на постоянное жительство в Москву (А., с. 482) Анненков вновь возвращается к обзору его литературной деятельности в петербургский период (А., с. 483–484). Показательно также, что поучительную историю о молодости Тургенева Анненков начинает только после замечаний о «видном месте», занимаемом писателем к концу жизни (А., с. 355), об удивительном согласии в оценке значения писателя, наступившем после смерти И.С. Тургенева (А., с. 353–356).

В повествование очерков включены также мысли, суждения мемуариста обобщенного характера, не связанные с каким-либо периодом. Например, некоторые замечания Анненкова о писателях (о важном месте юмора в жизни и произведениях Н.В. Гоголя: «...Он служил ему поправкой мысли, сдерживал ее порывы и сообщал ей настоящий признак истины – меру» (А., с. 78); о «замечательном качестве» И.С. Тургенева – никогда не оставаться в долгу «ни за какое дело, ни за оказанное расположение, ни за наслаждение, доставленное ему произведением, ни за простую потеху, почерпнутую в той или другой форме» (А., с. 368); рассуждения о редком свойстве Писемского, делающем беседы с ним «занимательными и оригинальными в высшей степени», – «всегда походить на самого себя и класть особую печать своего духа и ума на все предметы обсуждения» (А., с. 490). Сюда можно отнести и некоторые размышления Анненкова о времени, литературе, архитектуре. Например, его рассуждения об удивительном действии времени, способном мгновенно обнаруживать «во всей полноте и цельности явление, которое готовилось в его недрах долго и невидимо для людского глаза» (А., с. 377), о свойстве полемических романов (А., с. 482–483), о возникающем двойственном чувстве при виде красоты храмов («чувство бедности отдельного лица в виду колоссальной, вековой постройки и чувство гордости за мысль и силу человека» (А., с. 35)) и др.

Для Анненкова важны не количество событий и последовательность их изложения в тексте, а суть, качество этих событий для понимания личности писателя. Выдвигаемые автором «ключевые» моменты, на которых он заостряет наше внимание, являются по сути «остановками» на жизненном и творческом пути писателя. При этом «центром» – толчком к развитию (сюжетному, идейному) – становится некий временной (жизненный) промежуток: поворотные

40-е годы в жизни Гоголя, годы молодости Тургенева (1840–1856), «петербургский» период в жизни Писемского (1853 – начало 1862).

Анненков акцентирует внимание на том, что 40-е годы для Гоголя – переходный период: «Я застал предуготовительный процесс: борьбу, нерешительность, томительную муку соображений» (А., с. 70–71). Привязанность воспоминаний к 1841 году объясняется тем, что этот год, по мысли Анненкова, стал последним годом «свежей, мощной, многосторонней молодости» Гоголя (А., с. 42). Именно в Риме 1841 года Анненков особенно сближается с Гоголем, помогая ему в переписке «Мертвых душ». Мемуаристом подчеркивается особое значение Италии в жизни Гоголя. Рим (шире – Италия) является своеобразным средством раскрытия характера, образа жизни, духа Гоголя (через отношение к народу, архитектуре, праздникам и т. п.), это особое текстовое пространство, помогающее ощутить атмосферу того времени (через описание итальянских улиц, итальянской ночи, народа и т. п.). Если Гоголю близок Рим, то, проникая в мир Италии, мы как бы проникаем в мир Гоголя, мир его таинственной души.

Уникальность личности Писемского – «оригинального провинциала», в котором слышны «дальние отголоски старой русской культуры, напоминающие строй мыслей прежнего боярства и думных людей Московского царства» (А., с. 467), – определившая его литературную судьбу, раскрывается именно в Петербурге. Москва в очерке связана с началом литературной карьеры Писемского и с ее завершением (болезнью и смертью писателя), а петербургский период назван «блестящей эпохой производительности» (А., с. 483). Подобное четкое пространственное разделение жизни писателя на два этапа – петербургский и московский (Анненков, как и его современники, рассматривал Петербург и Москву как два историко-культурных центра России) – должно было служить для обозначения общественно-литературных факторов, определивших эволюцию художника и человека. Однако это традиционное решение Анненков опровергает – приезд в Петербург ничего не изменил в Писемском: «Ясно делалось, что он вышел на улицы Петербурга точно таким, каким сел в экипаж, отправляясь из своего родного гнезда» (А., с. 466), а после переезда в Москву бывший «петербуржец» «приобрел качества, отличающие большинство ее обитателей, то есть склонность к домовитости, с одной стороны, и к скептицизму по отношению к петербургским мнениям вообще – с другой» (А., с. 487–488).

Для Тургенева молодость стала временем поиска себя как человека и как писателя, временем ошибок и заблуждений, и только благодаря работе над собой он смог достичь того видного места, которое занял к концу жизни: «Прежде чем утвердиться на своем посту, ему необходимо было покончить почти со всеми чертами молодости, отделаться от множества привычек, полученных в начале своей карьеры, найти другой способ сноситься с людьми, чем тот, которому он следовал доселе» (А., с. 355–356).

Анненков показывает ключевые моменты жизни писателей (испытания славой, любовью, дружбой, болезнью, временем и др.). Портреты героев очерков строятся на пересечении исторических, биографических, автобиографических и литературных фактов. Это, во-первых, отзывы современников о писателе как человеке и как художнике, мнения, касающиеся его творчества, отдельных произведений; во-вторых, отношение писателя к чему- или кому-либо; в-третьих,

отношение автора к писателю и его произведениям, а также к характеристикам писателя и его творчества современниками. Для доказательства своих мыслей Анненков приводит как собственные сведения, свидетельства известных, авторитетных лиц (писателей, историков, государственных деятелей), так и мнения людей из народа. Обращается он и к слухам, и к «документальным свидетельствам»: письмам, критическим работам, воспоминаниям.

К примеру, в очерке о Гоголе мемуарист подкрепляет свои мысли личными наблюдениями («Это был совсем другой Гоголь, чем тот, которого я оставил недавно в Париже, и разнился он значительно с Гоголем римской эпохи. Все в нем установилось, определилось и выработалось» (А., с. 109)), сведениями из «Записок о жизни Николая Васильевича Гоголя» П. Кулиша (см., к примеру, упоминание Анненкова о записке С.Т. Аксакова о перемене тона в письмах Гоголя конца 1840 года в сторону «торжественности и мистического одушевления» (А., с. 85)), материалами из писем Гоголя к Аксакову, Жуковскому, Максимо-вичу, Смирновой, Погодину и другим, отзывами друзей и знакомых писателя о нем («Он был в своей тарелке и, по счастливому выражению гравера Ф.И. Иордана, мог *брать*, что ему нужно было или что стоило этого, полной рукой, не давая сам ничего» (А., с. 40)), а также наблюдениями самого Гоголя (случай с двумя молодыми водоносами (А., с. 72)).

В создании портрета Писемского помогают не только авторское мнение о писателе («Трудно себе представить полный, цельный тип чрезвычайно умного и вместе оригинального провинциала, чем тот, который явился в Петербург в образе молодого Писемского, с его крепкой, коренастой фигурой, большой головой, испытующими, наблюдательными глазами и ленивой походкой» (А., с. 465–466)), «Он производил на всех впечатление какой-то *диковинки* посреди Петербурга, но диковинки не простой, мимо которой проходят, бросив на нее взгляд, а такой, которая останавливает и заставляет много и долго думать о себе» (А., с. 466)), описание встреч Анненкова с Писемским (А., с. 491, 493), отзывы современников о писателе (рассказ И.В. Горбунова о морском путешествии (А., с. 470)), показ отношения Писемского к жизни, окружающим людям (см., например, мнение Писемского об иностранцах (А., с. 467), женщинах (А., с. 466), Петербурге (А., с. 468)), но и, главным образом, обращение к произведениям Писемского, к обзору критических материалов, посвященных его творчеству.

В воспоминаниях о Тургеневе также немаловажны отзывы современников о писателе и его творчестве; для Анненкова особенно значима позиция литературного мира по отношению к Тургеневу, о чем свидетельствуют упоминаемые в очерке в этой связи имена: Г. Флобер, Ж. Санд (А., с. 354), Карлейль, Гизо, Гамбетта, Тэн, Ламартин, Юлиан Шмидт (А., с. 355), Грановский, Станкевич (А., с. 356), Герцен (А., с. 357), Белинский (А., с. 359), В.Н. Житова (А., с. 363–364) и др. Меньшее внимание уделяется «самохарактеристике» Тургенева (см., например, рассказы молодого Тургенева о воздействии на него произведений искусства (А., с. 358), любимые афоризмы Тургенева (А., с. 366–367)), и большее – авторским наблюдениям (см. случай оценки Тургеневым таланта поэта Случевского (А., с. 368–369), анекдот о Тургеневе-панегиристе, слышанный Анненковым от Боткина (А., с. 369), рассказ историка И.Е. Забелина (А., с. 370), рассуждения Анненкова об отношениях И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого (А., с. 374–376)).

В очерке о Тургеневе показательны также отсылки Анненкова «за подробностями» к собственным произведениям («Замечательное десятилетие» (А., с. 372), «Художник и простой человек» (А., с. 374)). Можно отметить и наличие скрытых реминисценций к мемуарно-автобиографическим произведениям Тургенева. В очерке у Анненкова читаем: «“Мир праху твоему!” – так обыкновенно кончаются поминальные речи над усопшими, выражая тем пожелания живущих предать забвению все, что могло бы сколько-нибудь затемнить нравственный облик покойника. <...> Старая историческая злоба, кой-где еще встречающаяся в обществе, против чествования независимого труда, таланта, знания, притаилась на время» (А., с. 353). А вот что пишет Тургенев в воспоминаниях о Гоголе («Письмо из Петербурга»): «Смерть имеет очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недоразумения – все смолкает перед самою обыкновенною могилой: они не заговорят над могилою Гоголя. Какое бы ни было окончательное место, которое оставит за ним история, мы уверены, что никто не откажется повторить теперь же вслед за нами:

Мир его праху, вечная память его жизни, вечная слава его имени!» (Т., с. 297–298).

Определенные сходства можно обнаружить между характеристикой времени создания «Муму», данной Анненковым, и тем, что писал Тургенев об этом периоде своей жизни (ср.: «Несмотря на суровое начало, арест в дальнейшем своем течении принес ему немало добра, обнаружив общие симпатии к его лицу, дав возможность создать одну крупную вещь – рассказ “Муму”» (А., с. 373) и «Но все к лучшему; пребывание под арестом, а потом в деревне принесло мне несомненную пользу: оно сблизило меня с такими сторонами русского быта, которые, при обыкновенном ходе вещей, вероятно, ускользнули бы от моего внимания» (Т., с. 299)).

Таким образом, очерки, с одной стороны, автобиографичны (все, что видел сам автор, будучи свидетелем или участником событий; данные переписки автора с героями очерков, современниками, прямо либо косвенно отразившиеся в тексте), с другой – здесь используются материалы, имеющие лишь опосредованное отношение к Анненкову (то, чего он не видел, но о чем слышал или читал в автобиографических и биографических работах, в статьях, переписке, произведениях писателя и современников).

В целом, если взять за основу отнесенность используемых в тексте сведений к субъекту (автору) / объекту повествования (портретируемому), в очерках П.В. Анненкова можно выделить четыре органично сочетающихся содержательных пласта.

1. Биографические сведения, не связанные непосредственно с судьбой мемуариста (книги, письма, статьи, воспоминания других людей о писателях).

2. Биографические сведения, связанные непосредственно с судьбой мемуариста; события, свидетелем или участником которых он был (автобиографический пласт).

3. Различные описания (природы, интерьера, людей), размышления об искусстве, творчестве, эпохе и прочем, не связанные непосредственно с судьбой описываемого художника.

4. Описания, размышления, имеющие прямое отношение к портрету писателя, его судьбе.

Использование разнообразного материала способствует созданию как объективного образа описываемой эпохи, так и наиболее полного художественного портрета личности писателя.

Таким образом, можно говорить о сложной системе точек зрения (авторской, самого объекта изображения («самообличение», самохарактеристика портретируемого), современников писателя и автора), связанных в единое полифоническое целое исторической эпохой, являющейся здесь не просто фоном, а скрытым действующим лицом. Так, в рассказ о А.Ф. Писемском вовлечены многие представители русской журналистики и литературы того времени (А. Григорьев, А. Дружинин, И. Горбунов и др.), в нем затрагиваются важные события общественной жизни России 50–70-х годов XIX века (А., с. 627). Раскрытие личности Гоголя, как показал П.В. Анненков, невозможно без проникновения в историко-культурную жизнь Италии того времени. В воспоминаниях о Тургеневе высокий статус в характеристике личности писателя приобретают позиции западного мира и соотечественников, своеобразным индикатором служит и отношение Тургенева к упоминаемым в тексте важным историческим событиям (война с Турцией (А., с. 374), революция 1848 года во Франции (А., с. 372)).

Перед нами два взаимодействующих содержательных пласта: писатель и эпоха, так что портрет (или, словами Анненкова, «образ») писателя как человека и как художника, творца сливается с образом эпохи, с окружением («обстановкой»), а жанрово-стилевая специфика воспоминаний, сотканная из разных нитей (биографии, литературно-критической статьи, воспоминаний о писателе и об эпохе), может быть определена как синтетическая. Действительно, Анненков искусно совмещает исторические, историко-литературные сведения с психологическим портретом писателя, правду факта с собственным впечатлением. Это позволяет ему не только сделать содержание очерка более разнообразным, интересным и полным, помогающим создать объемный, правдивый образ, но и объективировать собственную точку зрения на писателя. Достигается это двумя путями.

Во-первых, широко используя, помимо собственной, другие точки зрения на писателя, Анненков создает образ сложного и многомерного литературного мира. Однако организующим, синтезирующим началом становится активная авторская позиция, отношение автора к этому многоголосию. Голос автора звучит не в пустом культурном пространстве, авторская позиция как бы вырастает из диалога, спора с оппонентами, приобретая тем самым качество обоснованной, аргументированной истины.

Так, в воспоминаниях о Гоголе, ядром которых становится проблема изменения писателя, волновавшая многих исследователей того времени, Анненков строит свои выводы на открытой или неявной полемике с П. Кулишом, автором «Записок о жизни Н.В. Гоголя» (1856), предлагая свой вариант решения «гоголевского вопроса» (А., с. 529–530).

Оспаривает Анненков и сложившийся в обществе того времени образ молодого Тургенева, предостерегая от неверного представления о писателе как о человеке, никогда не имеющем в своем распоряжении искреннего слова и чувства, «театральность» поступков которого называет «поэтической ложью» (А., с. 358),

баловством «всемирного ребенка» (А., с. 360), «оправдывая» их бессознательностью, непреднамеренностью, неумением молодого писателя справиться с собственным природным даром.

Анненкову удалось уловить появление в русской литературе особого разряда писателей (таких, как А.Ф. Писемский), чуждых предписаниям критики 40-х годов (А., с. 22). Мемуарист раскрыл творческое развитие Писемского, включенность его в основные общественные и литературные процессы, показал воздействие на него жизненных перипетий. Принципиально важным для Анненкова было отразить, что время и жизнь сложно взаимодействовали с твердым личностным стержнем, в котором мемуарист, не без основания, усматривал проявление русского народного характера. Но связывая творческую эволюцию Писемского с широким кругом общественно-политических, литературных, семейных обстоятельств, Анненков, тем не менее, подчеркивает, что это не может полностью, окончательно раскрыть уникальности его творческой личности.

Во-вторых, важнейшим средством объективации собственной точки зрения становится у Анненкова выдвижение в центр очерка личности писателя, придание статуса абсолютной истины его высказываниям и оценкам, утверждение собственной позиции как позиции «при писателе».

В итоге автор «конструирует» свою «мозаику» личности из необходимых ему элементов, окружая личность писателя собственным мнением. При этом авторская точка зрения не догматически навязывается, а становится результатом коммуникации, взаимодействия – прямого (автор и писатель, автор и общество) и косвенного (писатель и общество).

Таким образом, повествование характеризуется стремлением автора к объективности, но при этом ощутима и свойственная мемуаристике Анненкова ориентированная на избирательность авторская позиция, предопределившая специфику композиционного строения очерков, основными чертами которых являются фрагментарность, нередко асинхрония в изложении событий (интересно, что в воспоминаниях о Писемском установка на избирательность оговаривается самим Анненковым: «Мы не пишем здесь истории нашего развития за последнее время, которая была бы и преждевременна, а только сообщаем для нее факты, сохранившиеся в нашей памяти, и то далеко не все и без подробностей, на какие бы они имели право» (А., с. 475)).

Именно фрагментарность, монтажность как ведущий композиционный принцип, как доминантная черта строения очерка, наряду со сложным взаимодействием авторского голоса и других голосов (включая голос самого писателя), и составляют структурно-композиционное своеобразие очерков Анненкова о русских писателях, позволяя создать целостные и объективные портреты Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.Ф. Писемского.

Summary

M.I. Nikonova. Structural and Compositional Peculiarities of P.V. Annenkov's Essays about Russian Writers (N.V. Gogol, I.S. Turgenyev, A.F. Pisemsky).

The article is devoted to the analysis of structural and compositional features of P.V. Annenkov's essays about Russian writers N.V. Gogol, I.S. Turgenyev, and A.F. Pisemsky. It reveals peculiarities of the composition of individual essays, as well as structural "invariance"

of a biographical essay in the memoirist's works on the whole. It is shown that structure and composition of the essays are determined by the main artistic goal, i.e. creation of an objective portrait of a writer in a broad historical and cultural context.

Key words: essay, memoirs, portrait, structural and compositional features, P.V. Annenkov, N.V. Gogol, I.S. Turgenev, A.F. Pisemsky.

Источники

- А. – *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. – М.: Правда, 1989. – 693 с.
Т. – *Тургенев И.С.* Собрание сочинений: в 12 т. – М.: Худож. лит., 1979. – Т. 11: Стихотворения, поэмы, «Литературные и житейские воспоминания». – 654 с.

Литература

1. *Егоров Б.Ф.* О мастерстве литературной критики: Жанры, композиция, стиль. – Л.: Сов. писатель, 1980. – 320 с.
2. *Егоров Б.Ф.* П.В. Анненков – литератор и критик 1840-х – 1850-х годов // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – 1968. – Вып. 209. Труды по русской и славянской филологии. XI: Литературоведение. – С. 51–108.
3. *Ермилова Г.Г., Тихомиров В.В.* П.В. Анненков – литературный критик // Рус. лит. – 1995. – № 4. – С. 27–49.
4. *Манн Ю.В.* Мемуары как эстетический документ // Манн Ю.В. Диалектика художественного образа. – М.: Сов. писатель, 1987. – С. 155–170.

Поступила в редакцию
28.06.10

Никонова Маргарита Игоревна – специалист по связям с общественностью Министерства образования Ульяновской области.

E-mail: nikonova-mi@yandex.ru